

Ладинский Антонин Петрович

Когда пал Херсонес

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Ладинский Антонин Петрович

Когда пал Херсонес / Ладинский Антонин Петрович – М.: Книга по Требованию, 2011. – 162 с.

ISBN 978-5-4241-1731-2

Писатель большой эрудиции Антонин Петрович Ладинский (1896-1961) разрабатывал темы борьбы мировоззрений, философских и нравственных исканий одаренной личности, живущей в эпоху крупных исторических сдвигов.

Роман "Когда пал Херсонес" (1959) - о становлении древнерусского государства, о его самобытной культуре, о взаимоотношении с Византией в X веке.

В центре романа "Анна Ярославна - королева Франции", повествующем об истории зарождения франко-русских отношений в XI веке, образ выдающейся русской женщины, младшей дочери Ярослава Мудрого.

ISBN 978-5-4241-1731-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Антонин Ладинский
Когда пал Херсонес

Когда в предместье св.Мамы пропоют третьи петухи, отойдет заутреня в константинопольских церквях и во мраке едва лишь начинается первый час дня¹, в Священном дворце великий ключарь и этириарх дворцовой стражи приступают к отпиранию дверей. Прежде всего открывается сделанная из слоновой кости дверь, ведущая в Лавзиак, куда можно подняться по улиткообразной лестнице. В этом помещении великий ключарь и этириарх сменяют свои обычные одежды на серебряные скарамангии. Отсюда путь лежит через другие залы и переходы в Золотую палату. Затем отпираются прочие двери. После этого веститоры, или облачатели, отправляются в Ризницу и берут там царский скарамангии, в который в этот день надлежит облачиться василевсу. Он бывает золотым или серебряным, из материи цвета персика или из чистого пурпурса, присвоенного только царственным особам. Веститоры кладут одеяние со всей требуемой в данном случае осторожностью и благоговением на скамью перед серебряной дверью, ведущей во внутренние покои, и ждут знака.

В это время по тихим еще улицам города уже спешат, направляясь к Ипподрому, пешком или на мулах, в одиночестве или в сопровождении слуг чины синклита, невыспавшиеся патриции и магистры, доместики и комиты, по случаю праздника в красных плащах. Во дворце просыпается жизнь. У дверей стоят, опираясь на свои страшные секиры, хмурые после бессонной ночи варяги. Служители гасят в покоях светильники и лампады. В руках великого ключаря позвякивают ключи, как бы напоминая, что надлежит спешить и готовиться к царскому выходу.

Гражданские и военные чины, приглашенные на прием или вызванные по какому-нибудь государственному делу, собираются на Ипподроме и приветствуют друг друга церемонными поклонами. Военачальники в подобных случаях являются при мечах, присвоенных их званию. Потом всех приглашают пройти во дворец, каждого чина в особо предназначенный для этого зал, и когда они размещаются по местам на пути предстоящего шествия и силенциарии устанавливают тишину среди присутствующих, к серебряным дверям подходит великий ключарь и трижды ударяет в нее согнутым указательным перстом. Дверь тотчас же открывается, и облачатели вносят во внутренние покои приготовленный царский скарамангии, чтобы надеть его сложенными церемониями на василеса. Облачившись, благочестивый император появляется в дверях...

Ромейское царство — как некий огромный улей или полный трудов муравейник. Все в нашем государстве должны трудиться, и каждому назначены определенное место, обязанности и права. Однажды я проходил мимо муравьиной кучи и некоторое время с любопытством наблюдал, как эти неутомимые труженики суетились, стараясь доставить в подземные кладовые мертвую осу, и я изумлялся их терпению и упорству. На пасеке в имении магистра Леонтия Хрисокефала я неоднократно имел случай наблюдать, как собирают цветочную сладость трудолюбивые пчелы. Такова и наша жизнь, и все в ней установлено на вечные времена законом.

Каждый шаг василеса определяют древним римским церемониалом, который нельзя нарушить ни при каких обстоятельствах. Даже последний табулярий, удостоверяющий своею подписью и печатью торговые договоры, занимает на иерархической лестнице определенное место и должен сделать навстречу посетителю установленные обычаи три шага, а не два или четыре.

В «Книге эпарха» точно указано, как и где разрешается производить куплю и продажу, какая цена назначена за барана или медимн пшеницы, сколько миллиариссии имеет право нажить с номисмы торговец шелком и почему булочники имеют двадцать четыре процента дохода с продажи хлебов, так как должны исчислять прибыль, исходя из стоимости зерна, размола и закваски и принимая во внимание топку печи, освещение хлебопекарни и прокорм животного, приводящего в движение жерновов. Легаторий и его помощники следят за тем, чтобы весы торговцев были точными, чтобы менялы, которых во время военных действий благодаря знанию ими иностранных языков часто используют как лазутчиков, не подпиливали золотых монет, лишая их тем законной стоимости, чтобы свечники не прибавляли в воск сало, чтобы золотых дел мастера не покупали более одного фунта золота в год, чтобы серикиарии, производящие шелк, не окрашивали своих материй в пурпур. Торговцы бальзамом, пшеничной и житной мукой, соленой рыбой, твердой или жидкой смолой, коноплей или гвоздями, свечники, менялы, мясники, мыловары, башмачники и пекари объединены в содружество, подчиняющиеся строгим правилам и облегчающие надзор за трудом и податным обложением. Каждому торгующему назначено особое место для торговли. Золотых дел мастера продают свои изделия на Месе, восточные товары можно продавать только в Эмволах, торговцы ароматами выставляют сосуды с благовониями между Милем и Халкой, чтобы благоухание амбры долетало до дворцовых портиков. Здесь продаются амбра, мирра и прочие благовония из Счастливой Аравии, перец из Индии, народ из Лаодикии, корица с острова Цейлона. Но мицоварам строжайше запрещено продавать цикуту, мандрагору, употребляемую для усыпления, и другие халдейские снадобья.

Среди торгующих благовониями много сарацин, египтян, армян, иудеев, эфиопов и персов. От их криков и зазываний кружится голова. Они макают пальцы в сосуды с ароматами, мажут у проходящих ладони или бороды и расхваливают свои товары:

— Купи мускус для своей возлюбленной!
— За один милиариссий — климат рая!
— Благовонные притирания! Благовонные притирания!

Горбоносый человек в огромном тюрбане, склонив голову набок, шевеля тонкими пальцами перед темным лицом, уговаривает покупателя:

— Что тебе скажет возлюбленная? А вот что скажет она, достопочтенный: «Не надо мне драгоценных украшений, принеси мне лучше амбру или мускус, потому что от ароматов у меня приятно кружится голова..»

Бродячий монах выкрикивает:
— Камушки из Иордана! Иорданские камушки, без запроса!..

Персидский купец предлагает:
— Душистое мыло под названием «Тайна красоты». Купите «Тайну красоты»!..

— Благовонные притирания!..
— Миосотис, новый запах!..

Но здесь я встречал также благочестивых паломников и путешественников, посещающих наш город по торговым делам, разговаривал с Сулейманом ибн Вахабом, совершившим трижды путешествие в Иерусалим и побывавшим в далекой Индии.

Растирая в ладонях каплю амбры, он говорил мне:

— Страсть к путешествиям подобна любви. Новые страны — как новые встречи. Так мы смотрим на красивых рабынь и открываем у них неведомые доселе прелести...

Избегая легкомысленных разговоров, я просил Сулеймана рассказать мне о Иерусалиме и Дамаске, и он закатывал глаза от прилива приятных воспоминаний.

— О, Дамаск!.. Если может быть на земле рай, то это — там. Дамаск — жемчужина мира, вечная весна...

Передо мной стоял враг, сарацин, один из тех, кто отнял у нас гроб Христа... Но ведь мы же были с ним не на поле сражения!

С незапамятных времен бараны продаются на площади Стратигия, а ягната, от Пасхи до Троицы, — на площади Тавра и рабы — на Амстердамской площади, которая поэтому называется в народе «Долина слез». Здесь по лицу продаваемой молодой рабыни текут слезы, крупные, как горошины, детский плач умолкает лишь тогда, когда надсмотрщик грозит бичом маленьким пленникам и пленницам, и, может быть, на этом рынке мы сеем ту бурю, которая когда-нибудь разрушит ромейское государство. Но люди не думают о будущем. На базарах толпятся праздные люди, здесь, как в деревне, пахнет навозом, покупатели спорят о статях коня или о мышах раба. И всюду — на форумах, на базарах, на рыбных рынках, у цирюльников или хлеботорговцев — споры о догмате святой Троицы мешаются с неизменными разговорами о житейских делах.

— Сколько стоит рыба? — спрашивает покупатель.

— По три фолла за рыбу.

— А в прошлую пятницу я платил по два фолла.

— То было в прошлую пятницу. Цены поднимаются. Потом еще не то будет.

— А что же будет? — удивляется покупатель.

— Разве ты не слышал? Евнух послал василевсу отравленное вино... — шепчет продавец знакомцу.

Но из-за плеча покупателя высовывается чей-то длинный нос и с любопытством обоняет рыбный запах. Большие, оттопыренные уши ловят каждое неосторожно сказанное слово.

— О чем ты тут говоришь, дружок?

— Я говорю, что моя рыба самая лучшая в Константинополе, — отвечает со страхом продавец.

Согласно постановлениям владельцы харчевен имеют право открывать свои заведения с восьми часов утра до двух часов ночи, когда им предписано гасить огонь, чтобы те, кто сидит целыми днями в кабаке, не проводили там и ночь и не устраивали бы драк. Предержащие власти неукоснительно следят также за исполнением постов и посещением богослужений, особенно когда в церкви присутствует василевс. За нарушение предписаний положены плети, острижение волос, темница, отобрание имущества, отсечение руки и даже ослепление и смертная казнь. Все, от василевса до последнего человека, подчиняются установленным законам. Но что значит наша бренная жизнь в сравнении со славой ромейского государства? И вот мы трудимся, несем бремя налогов и проливаем кровь на полях сражений, потому что лишь способные на лишения и страдания достойны бессмертия в памяти потомков.

Среди этой трудной жизни и житейской суэты взоры невольно обращаются к

величественной громаде св. Софии. Создание римского гения служит нам вечным утешением и надеждой, и когда смотришь на совершенный купол, понимаешь, почему люди приписывали его построение ангелам. Невозможно без волнения читать в поэме Павла Силенциария о том, как приступали к строительству храма, приобретали землю у какого-то неведомого евнуха, у бедного сапожника, у привратника по имени Антиох и у вдовы Анны, и о том, каких трудов стоило Юстиниану уговорить этих невежественных людей, неспособных на высокие взлеты мысли, продать свои земельные участки и жалкие жилища. Сам император, в простой одежде, лишая себя послеобеденного отдыха, потому что остальное время было посвящено государственным делам, ежедневно осматривал с палкой в руке постройку и ободрял каменщиков. Такого храма не было на земле даже в дни Соломона. Внутренность его с беспримерной расточительностью украшена мозаикой, и огромное количество золота, серебра, слоновой кости и дерева редких африканских пород потрачено на устройство алтарей, врат и шести тысяч висящих на цепях лампад, изготовленных искусными медниками в виде виноградных гроздьев. Они наполняют храм в ночное время морем огня. В притворе находится фонтан с бассейном из яшмы и извергающими воду медными львами, так как всякий вступающий в храм обязан совершить омовение рук и ног.

Куда бы я ни шел, я неизменно останавливаюсь, если мой путь лежит поблизости от св. Софии, захожу в церковь и любуюсь этим огромным пространством, ограниченным камнем.

Но разве это единственное чудо? Вот форум Августа. На нем привлекает взоры проходящих конная статуя Юстиниана. В левой руке он держит земной шар, а десницу простер по направлению к востоку. На голове у него пышная диадема. Если стать лицом к св. Софии, то справа расположен Ипподром, а налево — Сенат. Над императорской кафизмой, тем помещением, где василевсы присутствуют во время ристаний или игр, летят четыре коня Лисиппа. Нехватило бы многих книг, чтобы описать все эти сокровища, церкви, колонны, портики, рынки, нимфеи и статуи.

Одно из этих чудес также дворец василевсов. Это целый лабиринт зал, переходов, церквей и благоуханных садов, спускающихся к Пропонтиде. Василевсы могут присутствовать на литургии в св. Софии или на ипподромных играх, ни на один шаг не покидая свой дворец.

Однако солнце медленно склоняется к западу, и вечерняя тишина нисходит на город Константина, на его форумы и сады. В окне, разделенном тонкой колонкой, в голубоватой дымке городских испарений виден из моего жилища купол св. Софии, черепичные крыши, кресты церквей, колонны портиков, зелень деревьев. Если сейчас пройти к Золотому Рогу, то увидишь там итальянские и критские корабли, доставившие нам мрамор и пшеницу. На набережных, заваленных большими глиняными сосудами с соленой рыбой из Херсонеса, козыми мехами с вином, амфорами с оливковым маслом и кошницами с виноградом, еще бродят гуляки. Иногда тишину нарушает шум случайной драки или песня пьяного корабельщика, направляющегося в квартал Зевгмы, над воротами которого еще сохранилась от языческих времен мраморная статуя Афродиты. Там, среди пороков, находится ее последнее прибежище, и в заплеванных тавернах и вонючих лупанарах люди пьют вино и предаются разврату.

Слышали вы легкомысленную песенку:

Подойди, дружок, И сорви цветок...

Ее здесь распевают хриплыми голосами венецианские корабельщики, беспутные юнцы. О чем помышляют эти люди? О любви? Нет, о похоти. Не посещайте этих мест, юноши, если не хотите запятнать себя грехом!

Меса — главная улица города — начинается от Ипподрома и идет к форумам Константина и Феодосия, а возле площади Быка и форума Аркадия разделяется на два пути. Один идет к Студийскому монастырю и Золотым воротам, другой — к церкви Апостолов. Когда в городе наступает ночь, на этой улице, около башни Зевскипа, торговцы шелковыми материями зажигают в «Доме света» светильники, и огонь горит там до полуночи...

Что еще сказать о нашем великом городе? Дворцы и хижины строились в Константинополе по соседству. Дома богатых людей прячут свою хозяйственную жизнь во внутренних дворах, выставляя на улицы только глухие каменные стены или скучные окошки, из которых безопасно обозревать народные волнения. Форумы, триумфальные арки, базилики, термы, квадриги, увенчанные ангелами колонны, библиотеки, статуи — все сокровища древнего мира, собранные за прочной оградой крепостных стен, делают наш город похожим на Рим.

А на полке лежат любимые книги, утешающие в минуты сомнения и в одиночные ночи. Назову среди них «Хронику» Георгия Амартова, «Минологий» одновременного мне Симеона Метафраста, украшенный драгоценной живописью труд Дионисия Ареопагита, стиль которого так радует человеческое сердце, и гимны божественного поэта Иоанна Дамаскина. Рядом с ними «Тайная история» Прокопия Кесарийского и другие книги, и среди них спрятаны от нескромного взгляда диалоги Платона и произведения Плотина, а также собственноручно переписанные мною стихи Иоанна Геометра, с которым мне привелось встретиться на жизненном пути. И я, Ираклий Метафраст, друнгарий царских кораблей, патрикий и приближенный василевса, рожденный в хижине, но возвеличенный до дворцов, осмеливаюсь писать среди этих прекрасных книг о том, что случилось мне видеть и пережить в гибельные годы царствования Василия Болгаробойца...

Прикроем глаза рукой и умозрительно представим себе мир: солнце и луну, материки и моря, блестящие по ночам звезды над ними, соловьиные рощи и усыпаные цветами лужайки — и в то же время все несовершенство его: погибающие в пучинах корабли, сожженные варварами христианские города, морских рыб, пожирающих мелких рыбешек, и наши грехи, корыстолюбие и алчность людей. Богач пишет в мраморном дворце, в то время как несправедливый судья отнимает у бедного поселянина последнего вола, а у вдовицы нет даже фолла, чтобы купить голодным детям кусок хлеба. Представим себе чревоугодие, болезни, язвы и гноящиеся раны, наполняющие внутренности человека нечистоты, его животные страсти, неопрятность и зло! Всякий раз, когда я вспоминал какого-нибудь преуспевающего и самодовольного глупца, или бесстыдного льстеца, ползающего на брюхе перед сильными мира сего, или грубого обидчика сирот, или чревоугодника, или мелкого интригана, наделенного по милости слепого случая властью, мир казался мне черным, как ночь. Только маленькие делишки, мелкая суeta, льстивый смешок, затаенная на дне души жестокость! Но приходил разделить мое одиночество Димитрий Ангел, стихотворец и строитель церквей,

поверял свои величественные планы, показывал чертежи прекрасных белых и розовых зданий, которые ему хотелось осуществить в камне, или читал мне свои стихи о розе, распустившейся утром в росистом вертограде, о мимолетном беге оленя, о деловитом скрипте повозок на деревенской дороге, о запахе свежеиспеченного хлеба, о терпком вкусе вина, о смехе загорелых женщин — и я готов был благодарить небо, что мне дана возможность вкусить от радостей и страданий жизни. Наш вдохновенный поэт учился писать стихи у Ионна Геометра. С пятнами лихорадочного румянца на щеках, покручивая завитки черной бороды, только что появившейся на этом еще юном лице, он рассказывал мне с сияющими глазами о своей возлюбленной, лучше которой, разумеется, ничего не было на свете, и я не мог не улыбнуться ему в ответ. Или мы читали вместе с ним какой-нибудь диалог Платона и изумлялись полетам мысли у философа, хотя и знали, что это ложная, опасная и греховная мудрость.

Димитрий говорил:

— Как прекрасен мир! Корабли плывут по морю, нагруженные пшеницей или произведениями горшечников, и путь их лежит в Африку, в далекие гавани блаженных эфиопов. Звезды вращаются над морями, указывая путь корабельщицам. В Багдаде перед розовыми и полосатыми дворцами калифов плещут фонтаны, и солнечный свет переливается радугой на водяных каплях, а на зеленых лужайках красуются павлины. Караваны верблюдов уходят в далекую пустыню за благовониями. За Танаисом ржут кобылицы варваров. А здесь парит в воздухе, как бы подвешенный на золотых цепях, совершенный купол Софии, порт полон кораблей, и буря рукоплесканий наполняет праздничный Ипподром. Всюду жизни! Всюду красота! И женские глаза, увиденные украдкой в церкви, прекраснее звезд...

Болезнь клокотала в его груди, он задыхался от кашля, но потом, успокоившись, мечтательно смотрел куда-то вдаль, весь во власти своих видений, колоннад, архитравов, куполов и строительных расчетов, построенных на правиле золотого деления.

Да, корабли плывут по морю, но аквилоны и бореи вздывают свирепым дыханием морские пучины, и жалкие создания человеческой жадности и беспокойства трепещут и погибают. Весь мир наполнен беспокойством и бурей. Раскроем книгу, в которой Константин Багрянородный с таким умом писал о фемах, — и мы увидим залипые кровью Армениак, Фракийскую фему, Анатолик и Опсийский, горы Тавра, совсем недавно возвращенные из-под ига сарацин силою христолюбивого оружия Эдессу и Антиохию, завоеванный Никифором Фокою остров Крит, побежденный патрикием Никитой Халкуци остров Кипр, дивные владения ромеев в Италии — Неаполь и гору Везувий, извергающую серу, огонь и пепел, и другие наши земли.

Еще мы увидим Херсонес в Таврике, его поруганные церкви и потоптанные виноградники, Борисфен, который russы называют Днепром, такую же великую реку, как Нил, и еще более обильную рыбой и сладостной для питья водой, а на берегу ее далекий город Киев, над которым уже занимается северная аврора. Весь мир полон движения и перемен. Но подобно двум солнцам сияет над ним слава василюсов Василия и Константина. Бремя государственного правления взял на себя Василий. Мужественный и неутомимый, он крепко держит в руках кормило ромейского корабля. Содрогается земля от толчков, рушатся небесные купола

храмов, со всех сторон теснят нас враги, народ вопиет от голода, дитя напрасно мнет материнские сосцы, ибо нет в них ни единой капли молока. Мы родились в годы бурь и потрясений, в дуб, под которым спасаются во время грозы, ударила небесная молния, и вот женщины трепещут в гинекее, опасаясь за своих мужей и сыновей. Но василевс умеряет жадность богатых, считающих, что им все позволено, сокрушает ярость врагов, угрожающих нам гибелью, и награждает достойных.

В печальное время посетила землю моя душа. Что я? Червь, рожденный во мраке. И в то же время меня озарила необыкновенная любовь, моя мысль, как орлица, взлетает на высочайшие горы, откуда открывается зренiu вся земля, где становятся близкими звезды и родится надежда, что среди этих рек крови когда-нибудь возникнет иная, лучшая жизнь.

Тот день я провел с друзьями в долине Ликоса, на винограднике магистра Леонтия Хрисокефала. Нас было пятеро: историограф Лев Диакон, спафарий Никифор Ксифий, мужественный человек, уши которого, как у волка, заросли волосами, стихотворец Димитрий Ангел, сам магистр Леонтий и я. Некогда Ксифий служил в «бессмертных», как называют закованных с головы до ног в железо катафрактов, отличился в сражениях и получил звание спафария. Он был несведущим человеком, но мы делили с ним военные труды, и я ценил его верное сердце.

Мы отправились в путь на мулах и в сопровождении слуг задолго до восхода солнца. День был праздничный, свободный от трудов, и мы решили провести время в отдохновении и дружеской беседе.

Зима приходила к концу, серебристые хребты окрестных гор уже начали покрываться зеленью, среди кипарисов, дубов и олив веял зефир, и на его крыльях к нам прилетела весна, осыпая лужайки цветами и наполняя приятным волнением человеческое сердце. Мы выехали из Меландизийских ворот, поднялись на горбатый каменный мост и направились по вымощенной камнем дороге Игнатия в имение магистра. Разгоралась заря. Ромейские девушки выходили из города легкими шагами, чтобы собирать на лугах фиалки. Все было кругом в цвету, и аромат розовых миндальных деревьев наполнял долину.

Виноградник был расположен на щебнистом солнечном холме, и у его подножия находился круглый каменный колодец. Немного далее стояла хижина, сложенная из грубых полевых камней. В ней мы имели обыкновение с Димитрием Ангелом и Львом Диаконом читать диалоги Платона, и от бедности хижины почему-то особенно печальными казались слова философа о небесной любви. Под влиянием этих строк Димитрий написал впоследствии стихи о возвышенном любовном чувстве в мире грубых страстей, и я с большим тщанием переписал их для себя. Здесь, в таком укромном и безлюдном месте, было удобно спорить о мире платоновских идей, так как из благородства следовало опасаться, чтобы слухи о таком времяпрепровождении не достигли ушей патриарха и не навлекли бы на нас гнев василевса. Василий не любил поэтов и соблазнительных философских рассуждений, патриарх же грозил, что чтением подобных книг мы можем погубить наши бессмертные души. Однако теперь все читают тайком Платона.

Магистр Леонтий, богатый человек, посещал время от времени имение, чтобы проверять надзирающих над рабами и виноградниками, а Никифора Ксифия

влекли сюда смешливые белозубые поселянки.

Незадолго до этого магистр получил известие от управителя имением, что рабы и кабальные работники, приставленные возделывать нивы и пасти хозяйствский скот, выражают недовольство своей участью и даже осмеливаются на угрозы. Поэтому он и отправился в свои владения, захватив с собою около дюжины слуг, вооруженных мечами, и твердо решив наказать виновных.

По прибытии мы были встречены управителем, весьма льстивым человеком, который прислуживал нам за трапезой, вынимал из плетеной корзины лучшие хлебцы, разрезал пополам, чтобы удобнее было класть на них куски мяса, и самолично наливал нам в чаши красное вино, разбавленное ключевой водой. Обедали мы в сельском каменном доме Леонтия, расположенному среди тенистых деревьев, и во время еды не говорили о хозяйственных дела, а вели благопристойную беседу о мученике Агапите, память которого праздновалась церковью в тот день, и лишь по окончании трапезы Леонтий вышел под арку, которой была увенчана дверь дома, и велел привести во двор непокорных.

Их было четверо — старик и трое молодых, — и вид этих людей мог бы вызвать жалость у самого жестокосердого человека. Они обращали на себя внимание необыкновенной худобой тела и грязью рук, были босы, в жалких непроясаных вретищах, и к их ногам прилип коровий навоз. Рабы упали на колени, и старик поклонился хозяину, касаясь лбом земли, а молодые мрачно посмотрели на нас и потом опустили глаза. Управитель стоял рядом, держа подобострастно в руке опущенный заячим мехом колпак.

— Что я слышу? — грозно начал магистр. — Вы оказываете неповиновение и небрежно выполняете работу? Мне донесли, что вы даже стали способны на угрозы и готовы к возмущению? Но известно ли вам, что я могу присудить вас к тысяче палочных ударов? И даже если вы умрете во время наказания, я не отвечаю за ваши жалкие души, и все это предусмотрено мудрым законом...

Вдруг старик поднял руки к небесам и восклекнул, шамкая беззубым ртом:

— Господин! Не знаю, что хуже — жизнь ли, какую мы влечим, или смерть под палками. Мы работаем от заря до зари, а пищу получаем в самом ограниченном количестве, и терпим нещадные побои, и зимой нам не дают ни обуви, ни плаща, чтобы прикрыть тело от холода, и когда мы обращаемся с просьбой отпустить нас в церковь в праздничный день, нам говорят, что мы не выполнили назначенный урок, и заставляют работать даже в день воскресения Христа...

Леонтий нахмурил брови и посмотрел на управителя. У того забегали глазки.

— Так я поступаю исключительно потому, что радио о твоей пользе, превосходительный. Не слушай этих ленивцев и разбойников. Посмотри на их упитанные щеки, и ты поймешь, что они живут в твоем доме как в раю.

Я отлично знал Леонтия, его жадность и скопидомство, и не удивился, что он якобы поверил словам управителя и приказал наказать ослушников. В глубине двора стояли кучкой приехавшие с ним слуги и конюхи, и старший конюх, по имени Фома, ждал, скрестив руки, когда его позовут, чтобы привести в исполнение приказ магистра. Леонтий поманил его пальцем, и немедленно дюжие слуги потащили несчастных на расправу.

Я никогда не был любителем подобных сцен и поспешил с Димитрием Ангелом и Львом Диаконом на виноградник, расположенный за горой, но слышал, как магистр сказал Льву, точно оправдывая свое распоряжение: